

Служанки во главе с Полет вошли в ванную комнату, почтительно проводили кардинала и стали помогать госпоже.

Когда Кора, спустившись вниз, вошла в столовую, где уже собралось несколько мужчин, каждый из них не мог отвести взгляда от прекрасной девушки. Игнорируя современную моду, требующую от женщин носить корсеты и юбки-колокола, с многочисленными подъюбниками, девушка была облачена в платье на кельтский манер. Облегающий верх с квадратным вырезом, узкими рукавами, расширяющимися и удлинявшимися от локтя и почти до колен, переходящий в свободную юбку, многочисленными мягкими складками ниспадающей вниз и прикрывающей туфельки на каблук. Этот фасон прекрасно подчеркивал её изящную, но соблазнительную фигурку, открывая белоснежное декольте и изящные руки пылкому взору мужчин.

Волосы Корентайн также не заплетала по моде. В первую очередь она терпеть не могла всякие чепчики и сеточки, а потому сейчас её причёска была под стать наряду, длинная свободная коса-канат, оплетённая лентой с жемчугом и перекинутая на грудь. Весь образ девушки был подобен в глазах мужчин сказанной принцессе или фее.

Сама же Корентайн напряглась.

Ей и раньше приходилось выполнять роль хозяйки, когда в дом приходили братья кардинала или другие рьяные католики, но сейчас за столом сидел испанский посол. И хотя мужчина этот был довольно красив, девушке оставалось только молиться, чтобы хозяину дома не пришлось в голову предложить гостю "ночь с хозяйкой". Но, глядя на пылкий взгляд кардинала, было очевидным, что он слишком ждёт ночи сам, чтобы делить её с другими.

Естественно, за ужином при ней не говорили о важных вещах, обсуждая литературу, богословие, культуру и моду, но Генрих де Гиз всегда был несдержан. А потому после очередного бокала мужчине прорвало.

- И всё же, месье, если Вы хотите, чтобы мы стали отвлекающим манёвром, следует конкретно обсудить детали, а не ходить вокруг да около.

- Сеньор, я думаю, что не стоит портить вечер в присутствии такой чудесной дамы разговорами о политике, - тем не менее испанец лучше держал себя в руках.

- Если господам необходимо поговорить, я могу вас покинуть, - нежная улыбка скользнула по губам Корентайн.

К сожалению, прямо над залом находились покои, отведённые послу, поэтому Кора не смогла бы послушать разговор, но Полет с блокнотом уже сидела в комнатке на чердаке, где, хоть и хуже, но всё ещё было слышно, чтобы записать всё необходимое.

- Что Вы, сеньорита, Вы делаете этот вечер намного прекраснее, чем я рассчитывал. Мне

совсем не хочется так рано лишаться Вашего общества! – в витиеватой манере воскликнул испанец, заставив Генриха скривиться.

– И всё же, Клодетт, я прошу Вас уйти! – воскликнул меченый.

Улыбка сошла с лица Корентайн.

– Меня зовут Корентайн, месье. Простите, Ваше Высокопреосвященство, – девушка, отложив салфетку, посмотрела на кардинала. – Мне немного нехорошо, я оставлю Вас и Ваших гостей.

Корентайн поднялась из-за стола, не слушая протестов. Поцеловав кардинала в щёку, попрощавшись с остальными и подав поднявшемуся из-за стола испанцу руку для поцелуя, Корентайн удалилась к себе. Пока она переоделась и расплела волосы, девушка, к своему удивлению, обнаружила, что мужчины перешли в кабинет, и теперь у неё была довольно хорошая слышимость.

Оказалось, что Генрих, не имея возможности одержать победу над Наваррским, решил "подкрутить" планы, устроив захват Парижа и свержение короля на пару лет раньше. Испанцы были этим недовольны, ибо Великая Армада не была готова отправиться к берегам Англии, а если не синхронизировать действия, то обезопасить себя от участия гугенотов в войне на стороне англичан можно только в одном случае, если де Гиз победит гугенотов, но, как сказал испанец: "Вы не в силах даже сдержать их в пределах Наварры, так что уж говорить о победе?".

В итоге разговор свёлся к тому, что Испания готова сделать свой ход через год с лишним, весной восемьдесят седьмого, никак не раньше, так что рекомендуется Гизам терпеть!

На этом и разошлись. Тем не менее вернувшаяся утром Полет, укладывая госпоже волосы, чтобы та отправилась прислуживать королеве в качестве фрейлины, сообщила, что в столовой они обсуждали иные вещи, например, говорили о том, чтобы ликвидировать Генриха Наваррского до начала войны. Конде был слаб, а Колиньи – стар. Если убрать Наваррского, гугеноты утратят всю мощь и импульс, и их можно будет раздавить одного за другим. Испанец рекомендовал пригласить Генриха на какое-нибудь торжество в Лувр, а убить в этом старом замке – проще простого. Также испанский посол обещал поговорить с королём о том, чтобы ускорить наступление на Англию, а не оттягивать это ещё на год или на два.

"Хм? Меня подозревают? Где я могла проколоться?"

Но эти мысли быстро пропали из головы Корентайн. На самом деле, один разговор вовсе не противоречил другому. Тот факт, что испанец обещал поговорить со своим королём, вовсе не означал, что он поддерживает идею де Гиза, к тому же Наваррский действительно стал слишком важной фигурой для гугенотов. Колиньи полностью поддерживал его, а вместе с ним и "старая гвардия". Конде, раз за разом оказывающийся в дураках и "спасённый лишь милостью проницательного короля Наварры", давно перестал быть серьёзным конкурентом. Ситуация, созданная католиками в прошлом, когда позиция Генриха была слаба, в этот раз оказалась с треском разбита. Гугеноты сохранили больше сил и влиятельных людей. Хотя

испанцы и Папа продолжали давить на короля Франции, Генрих Третий не мог с прежней лёгкостью подавить протестантов.

Всё шло не по плану католиков. Поэтому они строили планы, пытаясь обмануть всех вокруг. Но слишком вёрткая змея рано или поздно укусит саму себя за хвост.

Прибыв ко двору, Корентайн поспешила к Луизе, та, в очередной раз разругавшись с мужем, попросила девушку заварить её любимый чай, но тот, как на зло, кончился. Полет была отправлена в магазин, без записок или писем, но по глазам хозяйки поняла, что следует сообщить Мадлен.

Через несколько часов подозрения Корентайн подтвердились. Её подозревали. Полет не успела выйти из дворца, как её остановили несколько стражников, отвели в какой-то тёмный кабинет, осмотрели вещи, допросили, но, ничего не обнаружив, отпустили. Тем не менее девушке казалось, что за ней продолжают следить, поэтому она ничего говорить прямо не стала, лишь попросила положить в корзинку кофе с ванилью, чай с перечной мятой, немного мыла с морской солью, пряный чай с перцами, и, конечно же, чай с ромашкой.

Готовясь к тому, что её могут раскрыть, Кора заранее продумала некоторые кодовые компоновки. Так чай с перечной мятой говорил - "предупредите Наваррского!", кофе с ванилью - "слабая опасность из Испании", немного мыла с морской солью - "Армада, но достоверных данных нет", пряный чай с перцами - "серьёзная опасность покушения", а чай с ромашкой, как это не парадоксально, - "не вздумай расслабляться, Анри!".

Последующие дни, а потом недели, Корентайн продолжала заниматься своими делами. Она сопровождала Луизу, проводила время с Генрихом за обсуждением Италии и античной культуры, "спала" с кардиналом, и отправляла служанок в магазины. Несколько раз служанки попадали на досмотр и опрос, но ни писем, ни передаточек замечено не было. Тем не менее планы господ продолжали срываться.

В итоге кардинал, скрепя сердце, покинул Париж. Но лучше в делах католиков не стало. Ну откуда Гизы могли знать, что Полет давно охмурила слугу Генриха де Гиза, который нет-нет, а делился с ней последними новостями. Конечно, он не говорил ничего, что могло бы вызвать подозрения у других людей, но информации о том, куда они ездили и с кем встречались было достаточно знавшей историю Корентайн, чтобы предотвратить ряд покушений или рассчитать грядущие планы.

Так битва при Кутра, состоявшаяся на почти два года раньше, позволила девушке предположить, что Генрих де Гиз устроит день баррикад также заранее. О чём девушка и предупредила Дени, а тот проинформировал гугенотов держаться подальше от столицы, начиная с весны восемьдесят шестого года.

Следовало признать, что Корентайн испытывала сожаления о том, что не может принять участие в торжестве гугенотов. Победа Генриха при Кутра стала значительно более яркой и значимой, чем в известной ей истории. Более того, испанцы, которые не собирались

действовать так рано, пустились к берегам Англии на два с лишним года раньше, идеально скоординировавшись с атаками на гугенотов по нескольким позициям. Вот только чего они не ожидали, так это присоединения к битве Конде, который возглавил гугенотский флот, поведя его на помощь Англии ещё во время сражения в Ла-Манше! Взятые в тиски с двух сторон испанцы, оказали яростное сопротивление, но, казалось, даже Бог на стороне протестантов. В разгар битвы разразился шторм. Французы и англичане, знавшие залив, как свои пять пальцев, сумели спастись, добравшись до безопасных мест, а неповоротливые тяжёлые испанские корабли, один за другим пропадали в пучине.

<http://erolate.com/book/3457/83431>